

Р.Ю. Виппер

**Политические теории во
Франции в эпоху
религиозных войн**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн / Р.Ю. Виппер –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 39 с.

ISBN 978-5-458-35321-2

ISBN 978-5-458-35321-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

круга и эпохи для того, чтобы судить о происхожденіи, характерѣ, интензивности и силѣ вліянія той или другой идеи или теоріи.

Надо, однако, сознаться, что задача, поставленная такимъ образомъ, выполняется въ весьма недостаточной мѣрѣ. Въ оправданіе часто указываютъ при этомъ на несоотвѣтствіе между характеромъ нашихъ источниковъ и поставленной цѣлью, на невозможность опредѣлять настроенія, кругъ мыслей массъ. Мнѣ кажется, что бѣда не въ характерѣ доставшихся намъ свѣдѣній, а въ нашихъ приемахъ, въ неприспособленности къ нашимъ новымъ задачамъ тѣхъ разрѣзовъ исторически переданнаго матеріала, тѣхъ комбинацій историческихъ данныхъ, къ которымъ мы привыкли. Мы любимъ, напримѣръ, искать вліянія крупнаго дѣятеля мысли; мы заранѣе поднимаемъ известную группу людей надъ общимъ уровнемъ, въ качествѣ руководителей остальной массы, и создаемъ искусственно противоположность активной и пассивной среды, можетъ быть, и существующую въ дѣйствительности, но едва ли при паличныхъ средствахъ подлежащую научному опредѣленію; а главное—такимъ разрѣзомъ мы затрудняемъ изученіе и пониманіе того цѣлаго, къ которому сводится оба раздѣленные нами элемента, то-есть, жизни учреждений, общественныхъ взаимоотношеній, подъема и паденія общественной мысли, группировки традицій и тенденцій, всего того, что образуетъ историческій моментъ. Въ 'этомъ смыслѣ, напримѣръ, изучалась большею частью просвѣтительная литература XVIII вѣка. Ея дѣятелей обыкновенно выдѣляли съ ретроспективной точки зрѣнія, которая брала за исходный моментъ революцію, въ качествѣ родоначальниковъ новыхъ теорій, возникшихъ вслѣдствіе оппозиціи порядкамъ стараго режима; а между тѣмъ до сихъ поръ ждетъ очереди изслѣдованіе вопроса о томъ, какъ самыя характерныя черты политической философіи XVIII вѣка—вѣра во всемогущество просвѣщенной государственной реформы, уравнительныя стремленія, тенденція къ свободѣ изолированныхъ личностей—появляются подъ вліяніемъ дѣйствующей правительственной системы и на основѣ сплоченнаго экономически и политически, воспитаннаго на однородныхъ впечатлѣніяхъ, но разбитаго въ своихъ старыхъ группахъ общества.

Мнѣ кажется, съ другой стороны, что новыя задачи часто понимаются слишкомъ поверхностно, формально. Дѣло въ томъ, что, подыскивая реальную подкладку политическихъ системъ и идей той или другой эпохи, стараюсь опредѣлить ближайшій предметъ, подъ впечатлѣніемъ котораго возникла та или другая сторона ученія, то-есть,

своди нѣкоторымъ образомъ политическую теорію къ суммѣ намековъ на явленія современности, историкъ исполняетъ только часть своей задачи. Установленіе такихъ непосредственно связующихъ нитей между деталями современности и изгибами политической теоріи важно, какъ вспомогательный приемъ, какъ постоянная сдержка для изслѣдователя, какъ постоянное напоминаніе ему объ извѣстной реальной почвѣ, на которой онъ стоитъ. Когда, на примѣръ, намъ говорятъ, что горячая диатриба противъ тиранніи восемнадцатилѣтняго Ла-Бозси возникла подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ кровавой расправы королевскихъ комиссаровъ и войска надъ возставшими жителями Бордо, мы получаемъ важную біографическую черту для Ла-Бозси, мы узнаемъ любопытный случай, изъ котораго видно, какъ въ то время школьная декламация на основѣ примѣровъ классической древности могла соприкасаться съ извѣстными жизненными фактами, врывающимися въ окна учебной комнаты. Но все ли этимъ сказано? Понятна ли намъ страстная испинка, заключенная въ *Le Contre un*, въ тетради студента, жившаго среди, повидимому, монархически настроеннаго общества? Историческій комментарий очевидно долженъ захватывать несравненно дальше и глубже. Пользуясь вышеуказаннымъ приемомъ сближенія теоріи съ фактами окружающей жизни, нельзя въ то же время забывать, что политическая теорія, политическая идея, есть дѣйствительно абстракція, что, хотя она исходитъ отъ прямыхъ впечатлѣній и постоянно ими питается, но въ то же время представляетъ продуктъ нѣкотораго сложнаго состоянія, цѣлой совокупности различныхъ данныхъ исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономическихъ и культурныхъ запросовъ, извѣстнаго отношенія общества къ своему прошлому и т. д.; нельзя забывать, что въ политической теоріи обыкновенно лишь послѣ многихъ исканій, столкновеній, въ результатъ долгихъ колебаній и поворотовъ мысли, символизируются въ простыя и рѣзкія формулы—настроенія, вызванныя группами разнообразныхъ фактовъ, накопившіяся и наросшія за цѣлый періодъ молчанія и подготовки или коренящіяся въ прочныхъ, но мало выступающихъ наружу традиціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на примѣръ, абсолютистская теорія, на основѣ ли божественнаго или договорнаго происхожденія власти, не можетъ быть сведена на одни непосредственныя наблюденія и впечатлѣнія теоретиковъ, развивавшихъ ее. Для того, чтобы такая теорія сложилась, усвоила твердыя формулы, необходимо продолжительное функциони-

рованіе сложнаго механизма, въ которомъ всякій привыкъ чувствовать себя подчиненною частицей, зависимою отъ цѣлаго.

Философское изученіе политическихъ теорій грѣшило тѣмъ, что принимало во вниманіе только логическое сцѣпленіе и развитіе идей, которыя нанизывались на линію воображаемаго прогресса. Такъ, на примѣръ, оцѣнивали сліяніе у Гоббса теоріи договора съ абсолютизмомъ: въ виду того, что у его предшественниковъ изъ понятія о первоначальномъ договорѣ вытекало ограниченіе власти государя, это сліяніе у Гоббса двухъ до того времени противорѣчивыхъ идей историкъ склоненъ былъ разсматривать, какъ изумительный по своей тонкости логическій шагъ, который состоялъ въ томъ, что мыслитель XVII вѣка искусною комбинаціей договора соединенія и договора подчиненія устранилъ теоретическій дуализмъ между народомъ и правителемъ. Въ теоріи Руссо видѣли дальнѣйшій и также логическій шагъ—перенесеніе верховенства съ уполномоченнаго на уполномочившаго и т. д. При этомъ упускалось также изъ виду, что основныхъ политическихъ терминовъ и соответствующихъ имъ общихъ принциповъ очень немного: они повторяются и возвращаются приблизительно, какъ въ этическихъ системахъ. Нечего и говорить, что въ разное время одни и тѣ же термины покрывали разныя понятія, и комментариемъ здѣсь можетъ служить лишь исторія дѣйствительныхъ отношеній. Было бы ошибочно поэтому искать оригинальности только тамъ, гдѣ впервые появляется извѣстный терминъ. Достаточно указать, на примѣръ, на принципъ народнаго верховенства: въ XII вѣкѣ подъ верховнымъ народомъ разумѣлся идеальный *populus romanus*, слѣдовательно то граждане Рима, то граждане всемірнаго государства Божія, то данныя владыки Рима, въ XV, XVI и XVII вѣкахъ—привилегированныя группы населенія, въ XVIII вѣкѣ—совокупность націи. Лишь опредѣленіе реального смысла, который подведенъ подъ тотъ или другой терминъ, можетъ установить, имѣемъ ли мы дѣло съ новыми или старыми представленіями.

Изученіе непосредственнаго соприкосновенія политическихъ теорій съ современною имъ дѣйствительностью представляетъ пока первый шагъ къ выходу изъ прежнихъ логическихъ схемъ. Но мы еще далеки отъ прочнаго установленія новыхъ реальныхъ соотношеній, и если намъ чего нибудь особенно недостаетъ, то именно изученія жизни традицій въ обществѣ. Мы любимъ говорить о культурныхъ вліяніяхъ и культурныхъ возрожденіяхъ. Конечно, это—только историческія метафоры. Но прежде всего онѣ часто опираются на формулировку современниковъ

переворота, всегда склонныхъ или преувеличивать новизну выдвинутыхъ ими идей, или наоборотъ настаивать на ихъ исконности, и въ этомъ смыслѣ такія метафоры могутъ, пожалуй, мѣшать разобратъся въ сущности происходящаго процесса. Въ лучшемъ случаѣ онѣ только намѣчаютъ намъ моменты или остановки, отъ которыхъ можетъ исходить изслѣдованіе. Вопросы о томъ, почему удалось извѣстное вліяніе, что заставило общество въ такой-то моментъ усвоить термины одной изъ отдаленныхъ эпохъ, напимѣръ, эпохи классической древности, и что возбудило представленіе о снизи идей своего времени именно съ этою эпохой,—эти вопросы всегда выведутъ насъ къ первой задачѣ историческаго изслѣдованія—опредѣлить основной процессъ въ жизни даннаго общества, объяснить его сознаніе въ связи съ его строемъ. Въ преслѣдованіи этой задачи намъ приходится разбивать нашу предварительную классификацію, отмѣченную такими условными знаками, какъ поворотъ, реакція, возрожденіе и т. п.: мы можемъ находить долгое переживаніе извѣстныхъ традиціонныхъ представленій тамъ, гдѣ по внѣшности—разрывъ, смѣна въ политической терминологіи; съ другой стороны, не разъ, вѣроятно, придется отказаться отъ признанія прямыхъ, культурныхъ наслѣдій, непрерывной линіи передачи идей тамъ, гдѣ передъ нами два несхожія общества, раздѣленные вѣками измѣненій.

Если можно формулировать коротко общій пріемъ, въ которомъ, кажется мнѣ, нуждается теперь изученіе политическихъ теорій, то онъ состоитъ въ томъ, чтобы, не поддаваясь цѣликомъ фактамъ непосредственнаго соприкосновенія теоріи съ дѣйствительностью, исходить, однако, отъ такихъ фактовъ; чтобы, схватывая главный, центральный принципъ теоріи, не выводить изъ него посредствомъ логическихъ натяжекъ всѣхъ частностей и деталей, не строить на немъ системы, главнымъ же образомъ, въ томъ, чтобы, прежде чѣмъ изучать въ политической теоріи руководящій факторъ общественнаго сознанія, взглянуть на нее съ точки зрѣнія сложившихся формъ, функционирующихъ учреждений, дѣйствующихъ общественныхъ порядковъ; чтобы подсмотрѣть прежде всего накопляющіяся впечатлѣнія и привычки мысли, практическія желанія и протесты въ предѣлахъ данныхъ политическихъ и общественныхъ рамокъ за цѣлый періодъ, предшествующій возникновенію теоріи, и въ этомъ направленіи подступать къ самой теоріи, какъ къ послѣдней сжатой формулѣ продолжительнаго движенія. Изученіе французскихъ политическихъ идей второй половины XVI вѣка помимо непосредственнаго интереса предмета любопытно

между прочимъ и потому, что наталкиваетъ насъ сразу на эти вопросы метода.

Я предполагаю остановится на главныхъ работахъ, изслѣдующихъ публицистику эпохи религиозныхъ войнъ съ тѣмъ, чтобы характеризовать существующіе приемы и указать на ихъ недостатки и пробѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы иллюстрировать нѣкоторыми соображеніями необходимость и возможность намѣчающагося историческаго метода въ изученіи возникновенія и развитія политическихъ теорій.

Публицистика второй половины XVI вѣка во Франціи давно привлекаетъ вниманіе историковъ и юристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало въ исторіи эпохъ, когда бы интересъ къ политическимъ вопросамъ выражался въ такомъ множествѣ горячо написанныхъ, часто очень талантливыхъ трактатовъ и памфлетовъ, вызывавшихъ въ свою очередь, судя по полемикѣ, сильное впечатлѣніе, — въ такомъ множествѣ произведеній, которыя заключали въ себѣ и принципиальную постановку основныхъ общихъ вопросовъ политической и общественной жизни, какъ, на примѣръ, *Vindiciae contra tyrannos*, и историческую теорію, какъ *Franco Gallia* Отмана, и въ то же время попытки разрѣшенія ближайшихъ задачъ даннаго момента и положенія, непосредственные намеки и указанія на злобу дня, какъ, на примѣръ, памфлетъ *La France Turquie*. Не даромъ же эта литература ¹⁾, столь живая и полная общаго интереса, распространялась и за предѣлы Франціи, какъ, на примѣръ, можно судить по переводамъ и передѣлкамъ нѣкоторыхъ памфлетовъ, сдѣланныхъ южно-нѣмецкимъ поэтомъ и сатирикомъ Фишаргомъ ²⁾. Однако, изслѣдователи, занимавшіеся этою политической литературою, всегда настаивали на томъ, что идеи, которыя проведены въ ней, не новы, не оригинальны для своего времени, что ихъ возникновеніе относится къ эпохѣ болѣе раннихъ столкновеній, частью даже ко времени борьбы императорской и папской власти. И дѣйствительно, ученіе о первоначальномъ договорѣ, о народномъ верховенствѣ, о правѣ сопротивленія тиранну и о тиранноубійствѣ, всѣ эти ученія заявлялись въ политической литературѣ съ XI—XII

¹⁾ Намболѣе полное изложеніе протестантской публицистики эпохи религиозныхъ войнъ даетъ в. *Polens, Geschichte des französischen Calvinismus* (Gotha, 1857—1869), томъ III. Книга, въ сожальнію, написана очень тяжело.

²⁾ *Antimachiavellus* (по Gentillet) и *Wacht früh auf* (Reveille-Matin) въ Joh. Fischart's *Sämmtliche Dichtungen*, изд. Kurz'a, томъ III, Leipzig, 1866.

вѣковъ. Если тѣмъ не менѣе въ исторической наукѣ стали придавать большое значеніе этой какъ будто бы новой формулировкѣ въ XVI вѣкѣ старыхъ идей, то главнымъ образомъ потому, что въ публицистикѣ эпохи религиозныхъ войнъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ современныхъ ей сочиненіяхъ въ Шотландіи и Испаніи историки различали черты будущей политической науки XVII и XVIII вѣковъ, потому что въ политической литературѣ XVI вѣка находили великую передаточную ступень къ теоріямъ естественнаго права, къ ученіямъ демократическимъ и конституціоннымъ, потому что въ энергическихъ публицистахъ XVI вѣка видѣли и еще видятъ „отцовъ современной демократіи“¹⁾. Вотъ этотъ взглядъ, что политическіе мыслители XVI вѣка — предтечи новаго воззрѣнія на государство, или, по крайней мѣрѣ, теорій французской революціи, этотъ взглядъ и далъ праву гражданства въ политической наукѣ имени „монархомаховъ“; оно впервые употреблено абсолютистомъ Барклемъ около 1600 г., который назвалъ такъ большую группу политическихъ писателей послѣдней трети XVI вѣка, католическихъ и протестантскихъ, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея²⁾.

Въ замѣчательной книгѣ Гирке сдѣлана именно попытка связать идеи монархомаховъ и завершителя ихъ теорій, Альтгузія, сѣверо-нѣмецкаго публициста около 1600 г., съ одной стороны—со средне-вѣковыми политическими системами, съ другой—съ естественно-правовыми ученіями XVII и XVIII вѣковъ; публицистика XVI вѣка по Гирке не что иное, какъ моментъ со средоточенія и практической выработки договорныхъ, конституціонныхъ, демократическихъ и федералистическихъ идей; высказанныя раньше, но болѣе разрозненно, менѣе настойчиво, отгѣсненныя временно, эти идеи, подъ вліяніемъ религіознаго толчка, были соединены въ цѣльную оппозиціонную систему первоначальныхъ народныхъ правъ; такимъ образомъ, сложился весь фундаментъ для рационалистическихъ теорій государства XVIII вѣка.

Въ изслѣдованіи Гирке Европа, отъ XI до XVIII вѣка включительно, разсматривается, какъ однородное непрерывное цѣлое, а политическіе трактаты, независимо отъ мѣста и условій ихъ возникновенія, какъ простые логическія звенья прямой цѣпи движенія и развитія нѣкоторыхъ

¹⁾ Treumann, Die Monarchomachen, 88.

²⁾ Guil. Barclaius (Barclay), De regno et regali potestate adversus Buchananum, Brutum, Boucherium et reliquos monarchomachos libri sex, 1600 (Geerke, Joh. Althusius, p. 3).

основныхъ правовыхъ и политическихъ понятій. Марсилій, Николай Кузанскій для Гирке,—такіе же предшественники и родоначальники Бьюканана, Отмана и Альтгузія, какъ эти въ свою очередь—прямые предшественники Локка и Руссо. По всему культурному міру пробѣгаютъ параллельно два основныя теченія: одно представляетъ развитіе атомистическаго принципа, то-есть, высвобожденіе личности изъ какихъ бы то ни было группъ и соединеній, въ качествѣ самобытной и изолированной правовой единицы, въ качествѣ единственнаго объекта естественнаго права,—теченіе, которое Гирке выводитъ изъ христіанско-германскаго понятія о свободѣ; другое—развитіе принципа всемогущаго государства, вытекающаго изъ первоначальнаго договора; здѣсь сказывается главнымъ образомъ вліяніе античной идеи. Оба принципа соединяются въ радикализмъ второй половины XVIII вѣка, особенно въ теоріи Руссо. Для постановки вопросовъ у Гирке характерно уже то, что политическія теоріи разсматриваются не какъ цѣльныя явленія, а въ рядахъ развитія отдѣльныхъ идей, а слѣдовательно повторяются въ разныхъ разрѣзахъ нѣсколько разъ. Что же выдѣляетъ въ этомъ процессѣ, какъ онъ изображенъ у Гирке, интересующій насъ моментъ развитія французской публицистики?

Прежде всего возрожденіе *теократической* идеи государства подъ вліяніемъ реформаціи¹⁾. Гирке видитъ эту идею, однако, только у протестантовъ, между тѣмъ какъ католики, наоборотъ, съ самаго начала борьбы рѣзко противопоставляли различное происхожденіе церкви и государства и строили послѣднее на чисто свѣтскомъ принципѣ, на свойствахъ человѣческой природы. Однако и протестанты скоро перешли къ ученію о естественно правовой и договорной основѣ государства; для своей продолжительной оппозиціи они нуждались въ основѣ болѣе широкой, менѣе исключительной, чѣмъ божественная задача государства, которая оправдывала сопротивленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда повиновеніе Богу сталкивается съ повиновеніемъ государю. Но ученіе о договорномъ характерѣ государства у протестантскихъ монархомаховъ носитъ случайный и односторонній характеръ. Возникновеніе и основной принципъ гражданскаго общества, то-есть, собственно общественный договоръ, не занимаетъ ихъ; для ихъ практической тенденціи имъ важно только существованіе на почвѣ сложившагося общества договорныхъ отношеній между государемъ и народомъ. Лишь послѣдній въ ихъ ряду Альтгузіи—настоящій творецъ

¹⁾ Geerke, pp. 56—75.

теоріи *contrat social*. Какъ общество, такъ и государственную власть онъ выводитъ изъ соединенія личностей, изъ добровольной уступки ими и суммировки индивидуальныхъ правъ.

Въ ученіи о *народномъ верховенствѣ* публицисты эпохи религіозныхъ войнъ также не прибавляютъ ни одного новаго рациональнаго аргумента къ средневѣковой теоріи. Въ ихъ трактатахъ возрождается то представленіе о народѣ, какъ источникѣ власти, которое можно найдти у Николая Кузанскаго, Филиппа де-Коммина, у ораторовъ Турскихъ Штатовъ 1484 г., то-есть, представленіе механическое, не знающее народа, какъ личности. Въ эпоху реформаціи ученіе о народномъ верховенствѣ стало замирать; въ періодъ религіозныхъ столкновеній сектанты, нуждаясь въ опорѣ противъ существующихъ властей, вновь поднимаютъ его и выводятъ изъ него право народа, представленнаго своими законными вождями, на сопротивленіе, выводить законность тиранноубійства. Все, что добавляютъ монархомахи, это—богословскія доказательства и нѣкоторыя историческія дедукціи изъ права различныхъ націй.

Съ практической точки зрѣнія подступаютъ они и къ ученію о *представительствѣ*, также выработанному еще въ Средніе вѣка. Происхожденіе представительнаго права, его основы не занимаютъ публицистовъ XVI вѣка; они лишь ссылаются на существующій фактъ и сблизаютъ соотвѣтствующія учрежденія въ разныхъ странахъ. При этомъ большинство ихъ держится убѣжденія, что на представительство цѣликомъ переходитъ вся сумма власти верховнаго народа, и что народъ, *populus constituens*, уже не имѣетъ принудительной или контролирующей силы по отношенію къ собравшимся чинамъ. Эту черту Гирке старается объяснить вліяніемъ античныхъ идей, такъ какъ древній міръ—и здѣсь Гирке слѣдуетъ давнишнему предразсудку—чуждъ принципна представительства. Такимъ образомъ онъ не замѣчаетъ въ этомъ представленіи XVI вѣка вполнѣ реальной черты: выборные въ то время были представителями не страны, подѣленной на округа, а привилегированныхъ, руководящихъ группъ, между тѣмъ какъ народъ въ цѣломъ не имѣлъ возможности высказываться. Аристократическій характеръ представительной системы монархомаховъ Гирке объясняетъ не современнымъ имъ устройствомъ Штатовъ, не сословнымъ строемъ общества, а вліяніемъ Кальвиновой идеи заступничества низшихъ народныхъ магистратовъ передъ высшею властью.

1) *Gierke*, pp. 226—263.

Въ *федералистическихъ* принципахъ нѣкоторыхъ монархомаховъ Гирке ¹⁾ видитъ прямой остатокъ средневѣковой государственной традиціи. Средневѣковая государственная идея въ сущности была федералистической. Теоретики признавали ряды самостоятельныхъ *communitates*, а универсальный союзъ, выразившійся въ церкви или имперіи, представлялся лишь относительно ступенью въ лѣстницѣ союзовъ, которые поднимаются отъ семи въ болѣе и болѣе широкія группы. Это представление вытѣсняется уже подъ вліяніемъ папскаго абсолютизма; его разрушаетъ далѣе тенденція свѣтской власти подчинить себѣ церковную жизнь и, наконецъ, его разбиваетъ античная идея государства, впервые усваиваемая чрезъ посредство Аристотеля. Юристы монополизируютъ понятіе государства только для *universitates superiores non recognoscences*. Сюда присоединяется атомистическое направленіе, также враждебное федерализму. Реформація наноситъ сильный ударъ старому понятію о государствѣ, такъ какъ сливаетъ церковную власть со свѣтскою въ отдѣльныхъ территоріяхъ. Правда, еще остается идея *societatis gentium*, и нѣкоторые публицисты, напримѣръ, авторъ *Vindiciae*, понимаетъ эту *societas*, какъ всемірную республику, и выводитъ изъ этого идеальнаго общенія право и обязанность соедѣнныхъ государствъ вмѣшиваться и помогать притѣсненнымъ противъ тиранніи или религіозныхъ гоненій. Теоретики, вступавшіе на почву ученія о народномъ верховенствѣ въ XVI вѣкѣ, одинаково могли придти къ централизму и къ федерализму. На практикѣ католики и протестанты здѣсь разошлись: между тѣмъ какъ первые держались централизма, монархомахи-протестанты стали настойчиво проводить федеративныя идеи подъ вліяніемъ церковнаго устройства, основаннаго на самостоятельности отдѣльныхъ общинъ. Авторъ *Vindiciae* разматриваетъ города и провинціи, какъ стражей договора государя съ Богомъ и народомъ; въ качествѣ такихъ охранителей они могутъ возстать противъ нарушающихъ договоръ и даже отложиться отъ государства. Идея эти подвергаются сильному нападению со стороны представителей развивающагося ученія такихъ монархистовъ, какъ Боденъ.

Наконецъ, литература монархомаховъ играетъ извѣстную роль въ развитіи идеи *правовой юсударства* ¹⁾. Гирке различаетъ два направленія въ XVI вѣкѣ: одно, которое отрицаетъ понятіе *potestatis legibus soluta* и старается связать верховную власть, покончилъ ли она въ народѣ или въ монархѣ, положительнымъ правомъ; другое, которое

¹⁾ *Gierke*, pp. 264—320.

принимаетъ государство, какъ абсолютную силу. Монархомахи примыкаютъ къ первому представленію, монархисты (Бодэнъ) ко второму. Позднѣе происходитъ перестановка принциповъ: сторонники народнаго верховенства покидаютъ точку зрѣнія монархомаховъ и ставятъ народную волю выше всякаго положительнаго права; напротивъ теоретики конституціонной доктрины удерживаютъ старое понятіе о верховномъ народѣ или правителѣ, связанномъ основными законами. Но монархомахи еще въ другомъ отношеніи содѣйствовали развитію идеі правоваго государства: право сопротивленія тиранну, то-есть, правителю, нарушающему законъ, они разсматривали, какъ простой выводъ изъ верховенства народа; такимъ образомъ сама революція, по ихъ ученію, заключаетъ не ограниченіе высшаго государственнаго и правоваго начала, а его послѣдовательное примѣненіе.

Вотъ въ общихъ чертахъ опредѣленіе у Гирке мѣста, которое занимаютъ въ развитіи общей политической теоріи публицисты эпохи религіозныхъ войнъ. Онъ рѣзко выдѣляетъ отъ монархомаховъ такихъ теоретиковъ, какъ Бодэнъ. Монархомахи большею частію возвращаются къ идеямъ, развившимся въ средніе вѣка, но пришедшимъ въ упадокъ, отодвинутымъ Возрожденіемъ и Реформаціей. Основное теченіе, возобновляемое ими, это — идея естественнаго права. Ихъ служеніе дѣлу этой идеи состоитъ въ томъ, что, хватаясь въ борьбѣ за различныя опоры, за сохранившіяся традиціи, учрежденія, аргументы, примѣры, они собрали матеріалъ, систематизированный потомъ другими.

Работа молодого изслѣдователя *Треймана* примыкаетъ ко взглядамъ Гирке. Ее можно вмѣстѣ съ тѣмъ считать инспирированную конституціоналистомъ Йеллинекомъ, въ семинаріи котораго она возникла, тѣмъ болѣе, что въ общихъ комбинаціяхъ Трейманъ прямо ссылается на авторитетъ своего учителя. Трейманъ также изображаетъ монархомаховъ представителями переходной эпохи къ выработкѣ договорныхъ и естественно-правовыхъ теорій; организаторомъ этихъ идей онъ считаетъ впрочемъ не Альтгузія, а Гроція. Трейманъ нѣсколько болѣе подчеркиваетъ *революціонный* характеръ теорій монархомаховъ ¹⁾: развиваясь отъ одного исходнаго пункта, именно изъ понятія о правѣ неповиновенія властямъ въ вопросахъ совѣсти, политическія требованія естественно и быстро переходятъ на широ-

¹⁾ „Das Problem der Monarchomachen, auf religiösem Boden gewachsen, ist durch und durch revolutionär“ (*Treumann*, p. 15).